

Арктика и Север. 2024. № 56. С. 162–189.
Научная статья
УДК 316.334.55(470.11)(045)
DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.162>

Факторы социальной жизнестойкости арктических сельских сообществ в современной России (на материалах прибрежных и островных территорий Архангельской области)

Максимов Антон Михайлович^{1✉}, кандидат политических наук, доцент

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, набережная Северной Двины, 17, Архангельск, Россия

¹ Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук, пр. Никольский, 20, Архангельск, Россия

¹ amm15nov@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0959-2949>

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится проблема факторов, обеспечивающих социальную жизнестойкость арктических сельских сообществ. На материалах островных и прибрежных территорий Приморского района Архангельской области исследуется то, как особенности социальной организации и жизнедеятельности конкретных сообществ обеспечивают их воспроизводство как локальных социальных систем, помогают сохранять устойчивость к внешним вызовам экономического, экологического и иного типа, позволяют адаптироваться к происходящим в регионе изменениям. Для решения этих задач автором в период с июля по начало сентября 2022 г. было принято участие в полевом исследовании на территории 14 сельских поселений в составе трёх сельских муниципалитетов. Основной метод получения эмпирических данных — глубинное интервью. Анализ интервью позволил выявить совокупность ключевых факторов жизнестойкости рассматриваемых нами сельских сообществ. Первый фактор — способность местных жителей к переориентации на натуральное хозяйство и традиционные промыслы в условиях деградации тех секторов локальной экономики, которые предполагают постоянную формальную трудовую занятость. Второй фактор — высокий уровень социального капитала сообществ, что обуславливает нормализацию практик взаимовыручки. Третий фактор — вовлечение части местного населения в практики низового активизма: общественные и культурные инициативы местных жителей позволяют привлекать внешние ресурсы для решения задач развития территорий, а также поддерживают коллективную идентичность членов сельского сообщества и повышают его сплочённость. Четвёртый фактор — возвращение вышедших на пенсию местных уроженцев, ранее мигрировавших из сельской местности в город.

Ключевые слова: сельское сообщество, российская Арктика, социальная жизнестойкость, воспроизводство сообщества, глубинное интервью

Благодарности и финансирование

Работа выполнена за счёт гранта Российского научного фонда № 22-28-20286, <https://rscf.ru/project/22-28-20286>.

* © Максимов А.М., 2024

Для цитирования: Максимов А.М. Факторы социальной жизнестойкости арктических сельских сообществ в современной России (на материалах прибрежных и островных территорий Архангельской области) // Арктика и Север. 2024. № 56. С. 162–189. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.162>

For citation: Maksimov A.M. Factors of Social Resilience of Arctic Rural Communities in Modern Russia (On the Materials of Coastal and Island Territories of the Arkhangelsk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2024, no. 56, pp. 162–189. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2024.56.162>

Статья опубликована в открытом доступе и распространяется на условиях лицензии [CC BY-SA](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Factors of Social Resilience of Arctic Rural Communities in Modern Russia (On the Materials of Coastal and Island Territories of the Arkhangelsk Oblast)

Anton M. Maksimov¹✉, Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Naberezhnaya Severnoy Dviny, 17, Arkhangelsk, Russia

¹ Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, pr. Nikolskiy, 20, Arkhangelsk, Russia

¹ amm15nov@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0959-2949>

Abstract. The article focuses on the problem of factors ensuring social resilience of Arctic rural communities. Using the materials of island and coastal territories of the Primorskiy district of the Arkhangelsk Oblast, the author studies how the features of social organization and life activities of specific communities ensure their reproduction as local social systems, help them to remain resilient to external challenges of economic, environmental and other types, and allow them to adapt to the changes in the region. In order to solve these problems, the author took part in a field study on the territory of 14 rural settlements in three rural municipalities in the period from July to early September 2022. The main method of obtaining empirical data is in-depth interview. The analysis of the interviews made it possible to identify a set of key factors of resilience of the rural communities under consideration. The first factor is the ability of local residents to reorient to subsistence farming and traditional crafts in the conditions of degradation of those sectors of the local economy that imply permanent formal labor employment. The second factor is the high level of social capital of communities, which determines the normalization of mutual assistance practices. The third factor is the involvement of a part of the local population in grassroots activities: social and cultural initiatives of local residents make it possible to attract external resources to solve the problems of territorial development, as well as support the collective identity of rural community members and increase its cohesion. The fourth factor is the return of retired local natives who previously migrated from rural to urban areas.

Keywords: *rural community, Russian Arctic, social resilience, community reproduction, in-depth interview*

Введение

Один из пионеров исследований российского крестьянства Т. Шанин, ссылаясь на опыт изучения крестьянских общин в Европе и Новом Свете, указывает на то, что сельское сообщество отличается чёткой локализацией (привязано к территории), объединено узами взаимозависимости и взаимодействия, обладает автономией, высокой степенью общности норм и ценностей, а также выраженной локальной идентичностью. Традиционная крестьянская община как частный пример сельского сообщества характеризовалась тесными межличностными связями, конформизмом, внутригрупповой солидарностью и тенденцией к эгалитарности [1, Шанин Т., с. 67]. Естественно, что реалии первой половины XX в., которые описывает Шанин, существенно трансформировались под влиянием советской аграрной политики, модернизации, через которую прошло советское общество, и рыночных реформ первого постсоветского десятилетия. Некоторые особенности, ранее присущие российским сельским сообществам в местах их исторического расселения, утрачены ими. В то же время под воздействием вышеозначенных процессов эти сельские сообщества приобрели новые характерные признаки. Такого рода изменения стали предметом специального изучения в работах отечественных социальных исследователей [2, Виноградский В.Г.; 3, Тощенко Ж.Т.].

Однако очевидным представляется, что наряду с работами, основанными на генерализирующем подходе, большое значение имеют эмпирические исследования, нацеленные

на выявление локальной специфики сельских сообществ, поскольку между сельскими территориями в Ставропольском крае, Ярославской области и Республике Саха имеются радикальные различия в структуре локальной экономики, развитии инфраструктуры, образе жизни населения, демографической ситуации и природно-климатических условиях. Как следствие, различие условий определяет и различие возможностей и механизмов адаптации сельских сообществ к происходящим на более масштабном уровне социально-экономическим и политико-управленческим трансформациям в современной России.

Настоящая статья содержит результаты такого рода локально ориентированного исследования. Её основной целью является выявление таких особенностей жизнедеятельности сельских сообществ островных и прибрежных территорий российской Арктики, которые выступают внутренними факторами адаптации этих сообществ к внешним вызовам, что позволяет им успешно воспроизводиться как социальным системам. Такой взгляд на жизнедеятельность арктических сельских сообществ проистекает из особенностей теоретической оптики, используемой автором, в основе которой лежит концепция социальной жизнестойкости.

Сельские сообщества российской Арктики сквозь призму концепции жизнестойкости

Понятие социальной жизнестойкости (social resilience) внедряется в научный оборот с начала XXI в. Кэтрин Фостер отмечает, что зарождение концепции жизнестойкости произошло на стыке подходов из нескольких областей научно-прикладного знания: экологии, теории управления, урбанистики и социальной антропологии. Междисциплинарный характер этой концепции позволяет исследователям рассматривать в рамках единой динамической системы деятельность социальных агентов¹ по управлению рисками, экономические ресурсы территории и их использование людьми и организациями, инфраструктуру, человеческий капитал и средства внутренней и внешней коммуникации² [4, с. 6–9].

Мишель Брюно и его коллеги, исследуя то, каким образом сообщества, организованные как территориальные системы, реагируют на внешние вызовы (на примере столкновения сообществ с последствиями землетрясений), выделяют 4 критерия, на которых основывается комплексная оценка их жизнестойкости: прочность (robustness) — способность системы и её элементов противостоять внешним шокам³ с минимальной потерей функциональности; обеспеченность резервами (redundancy) — степень, в которой система способна компенсировать издержки, порождённые внешними шоками; «изобретательность» (resourcefulness) — способность социальных агентов внутри системы находить эффективные решения возникающих проблем; оперативность реагирования (rapidity) [5, Bruneau M. et al.].

¹ К ним можно отнести чиновников, бизнес, гражданских активистов, технических специалистов и т. д.

² В широком смысле слова — и средства связи, и средства транспортного сообщения.

³ От стихийных бедствий и экономических кризисов до социально-политической нестабильности и массовой миграции.

В российском контексте теоретической разработкой проблематики «резилиентности» занимаются, в частности, экономисты из РАНХиГС под руководством В.В. Климанова. Фокусируясь на экономической устойчивости региональных систем, исследователи анализируют зарубежные подходы в поисках такого, который бы наиболее адекватно моделировал реальные процессы реагирования на внешние вызовы, как они наблюдаются в региональных системах в современной России. Отмечая преимущества модели адаптивного цикла Дж. Симми и Р. Мартина [6], В. Климанов указывает на важность инноваций, институтов, инфраструктуры и капитала (включая человеческий) как факторов одновременно жизнестойкости и динамизма региона [7, с. 177–179]. В работе М.В. Ненашевой анализируется история возникновения и развития концепции «социальной жизнестойкости» в зарубежной научной литературе и рецепция этой концепции в отечественной науке, а также суммируются представления об основных слагаемых жизнестойкости, к которым относятся географическая среда, экономические ресурсы и социальный капитал [8, с. 264–268, 270].

Обобщая, можно утверждать, что под социальной жизнестойкостью понимается способность социальных систем успешно справляться с внешними вызовами и сохранять функциональность в условиях неопределённости и рисков, а также процесс их адаптации к изменившимся условиям. Как правило, в качестве таких социальных систем исследуются либо территориальные объекты с их ресурсным потенциалом, инфраструктурой, институтами (см. выше), либо сообщества, проживающие на определённой территории, с их коллективной агентностью, внутренней сетевой коммуникацией, стратегиями использования имеющихся ресурсов для обеспечения адаптации к вызовам, нарушающим привычную жизнедеятельность. В последнем случае исследователи применяют термин «community resilience» [9, Norris F.N. et al., с. 129, 131]. В нашей статье мы будем подразумевать под жизнестойкостью в основном именно «жизнестойкость сообщества».

На параметры и факторы жизнестойкости разных сообществ принципиальным образом влияет специфика территории, на которой они существуют. В связи с этим интерес представляют поиски методологии, способной учесть специфику условий жизнестойкости в Арктике с присущими ей экстремальными климатическими условиями, инфраструктурными и логистическими проблемами, а также своеобразными укладом жизни и психологией коренного / старожильческого населения. Так, в зарубежных публикациях встречаются попытки через исследование арктических кейсов совершенствовать методы оценки адаптивного потенциала местных сообществ [10, Berman M. et al.]. В России опыт изучения проблем развития арктических территорий — в силу их обширности и экономической важности — накоплен весьма большой. Поэтому неудивительно, что в массе исследований по арктической проблематике есть и те, которые базируются на «резилиентном подходе». В частности, он активно применяется в арктической урбанистике [11, Замятина Н.Ю. и др.; 12, Никитин Б.В.; 13, Пиласов А.Н., Молодцова В.А.]. На контрасте с интересом к тематике жизнестойкости арктических городов наблюдается сравнительный дефицит научных работ, в фокусе анализа кото-

рых — сельские территории российской Арктики. Хотя имеются работы, специально посвящённые проблемам сельских территорий на Севере и в Арктике, они в значительной мере экономцентричны и сосредоточены на экстернатальных факторах развития, нежели на потенциале жизнестойкости самих арктических сообществ [14, Иванов В.А.; 15, Никулина Ю.Н.; 16, Смирнова В.В.].

Более комплексный подход к изучению сельских сообществ с позиций концепции социальной жизнестойкости нашёл отражение в некотором количестве работ зарубежных авторов. Так, К. Флад (университет Голуэя) с коллегами на материалах нескольких сельских сообществ Ирландии раскрыли механизмы, благодаря которым сообщества поддерживают свою стабильность перед лицом экологических угроз. В частности, она показывает важность коллективной низовой активности членов сообщества в сочетании с эффективным использованием ресурсов, включая человеческий капитал, и работающими институтами местного самоуправления [17, с. 319–320]. Р. МакАриви, обращаясь к исследованию сельских общин Британии в период пандемии Covid-19, фокусирует внимание на роли «якорных» институтов⁴ в обеспечении их жизнестойкости — конкретно, она отмечает роль церковной организации, культурных учреждений, локального бизнеса, местной прессы, ярмарок и сетевых структур граждански активных местных жителей [18, McAreavey R., с. 232].

Вместе с тем примеров эмпирических исследований именно арктических сельских сообществ, базирующихся на концепции социальной жизнестойкости, особенно в современном российском контексте, в настоящее время явно недостаточно. Настоящая статья рассматривается автором как шаг в сторону компенсации дефицита работ такого рода.

Методология и география исследования

В качестве объекта эмпирического исследования были определены сельские сообщества прибрежных и островных территорий Приморского района Архангельской области, на практике представленные конкретными жителями соответствующих поселений, включёнными в сети знакомств и отношений внутри конкретного локального сообщества на трёх уровнях — родство, соседство, профессиональные коллективы.

География исследования включает 6 сельских поселений муниципального образования (далее — МО) «Островное», размещённых «кустами» на отдельных островах (1-ый остров — деревни Пустошь, Одиночка, Выселки; 2-ой остров — деревни Ластола, Конецдворье; 3-ий остров — с. Вознесенье, административный центр МО «Островное»); «патракеевский куст» деревень, прилегающих к Зимнему берегу Белого моря на территории МО «Талажское» (Патракеевка и окружающие её Наволок, Горка, Кушкушара); располагающиеся на Летнем берегу Белого моря 4 относительно изолированных населённых пункта МО «Пертоминское» (деревни Летняя Золотица, Лопшеньга, Яреньга и посёлок Пертоминск — админи-

⁴ Под «якорными» институтами подразумеваются формальные и неформальные организации, экономически и культурно значимые для жизни местного сообщества — с точки зрения обеспечения занятости, досуга, доступа к общественным благам и социальным сервисам и т.п.

стративный центр муниципалитета), каждый из которых в силу их отдалённости друг от друга, сниженной транспортной связности и окказионального характера коммуникации жителей из разных поселений рассматривался как автономное локальное сообщество. Как следствие, в случае с МО «Пертоминское» было принято решение увеличить количество планируемых интервью до 4–5 на каждый населённый пункт.

Полевая исследовательская работа была реализована в период с июля по начало сентября 2022 г. (включая краткосрочную экспедиционную работу руководителя и 2-х исполнителей проекта в августе 2022 г.). Метод сбора эмпирических данных — глубинные интервью; тип данных — качественные, слабоструктурированные. Для проведения интервью был разработан «мягкий» гайд, включающий следующие основные тематические блоки: 1) биографический блок; 2) хозяйственно-бытовой уклад жизни информанта / его семьи; 3) отношения с соседями; вовлечённость в жизнь сообщества; 4) связь с городом; отношения с городскими жителями; 5) изменения в жизни сообщества в постсоветский период истории; 6) актуальные проблемы в жизни сообщества.

При отборе информантов принимались во внимание следующие критерии: соответствие состава информантов половозрастной и стратификационной структуре локального сообщества — стремление по возможности проинтервьюировать представителей всех его основных социально-демографических и профессиональных страт; обеспечение максимально возможной гетерогенности состава информантов для получения наибольшего качественного разнообразия высказываний по интересующим нас вопросам; готовность к продолжительной коммуникации с исследователем; потенциальная информированность местного жителя по большинству тем, заложенных в гайде. Необходимость сочетания этих критериев неизбежно порождала определённые «трудности поля», в связи с чем строгое следование всем им сразу не всегда было возможно на практике, что потребовало от полевых интервьюеров известной гибкости и ориентации, прежде всего, на содержательность самих интервью вместо жёсткого следования формальным требованиям к выборке, обычного в количественных исследованиях (квоты).

Количество проводимых интервью в каждом поселении (группе близко расположенных и социально связанных поселений) определялось принципом уменьшающегося прироста новых качественных данных: как только обозначалась тенденция к тому, что каждый следующий информант даёт всё меньший объём оригинальной информации (по сравнению со всеми предыдущими), серия интервью в этом населённом пункте прерывалась.

К моменту завершения полевого этапа исследования было проведено в общей сложности 35 глубинных интервью. В табл. 1 представлено их распределение по территории и полу. Средняя продолжительность интервью составила чуть более часа.

Таблица 1

Сводная информация о проведённых глубинных интервью

Муниципальное образование	Населённый пункт	Количество интервью, всего	Количество информантов, по

			полу (М — мужчина; Ж — женщина)
Островное	Пустошь и близлежащие деревни	3, включая 1 парное	Ж — 3; М — 1
	Ластола, Конецдворье	3, включая 1 парное	Ж — 4
	Вознесенье	3	Ж — 2; М — 1
Талажское	Патракеевка и близлежащие деревни	7, включая 1 парное	Ж — 6; М — 2
Пертоминское	Летняя Золотица	4	Ж — 3; М — 1
	Лопшеньга	4	Ж — 3; М — 1
	Яреньга	7, включая 1 парное	Ж — 6; М — 2
	Пертоминск	4	Ж — 3, М — 1

«Социальный портрет» сельских прибрежных и островных территорий Белого моря

1. Специфика сельских сообществ МО «Пертоминское» обусловлена двумя ключевыми обстоятельствами: а) удалённость и транспортная труднодоступность — не только по отношению к областному центру или Северодвинску (ближайший крупный город на пути с Летнего берега в сторону Архангельска), но и между самими поселениями побережья Белого моря; б) традиционный рыболовецкий профиль местной хозяйственной деятельности, что поколениями определяло образ жизни коренного (поморского) населения, бытовой уклад и профессиональную специализацию, а в советский период истории обусловило появление крупных рыбколхозов, пришедших на место прежних рыболовецких артелей. В настоящее время функционируют два рыбколхоза, объединяющие рыбаков из Летней Золотицы («Беломор»), Пертоминска и ближайших деревень («Рыболовецкий колхоз им. М.И. Калинина»). Часть обследованных деревень примыкает к территориям национального парка «Онежское Поморье» (управляется дирекцией Кенозерского национального парка). В Летней Золотице и Лопшеньге есть представительства нацпарка, работают инспекторы и специалисты по экопросвещению.

Удалённость и транспортная труднодоступность деревень Летнего берега определяет относительную изолированность и бытовую автономию разнесённых по побережью на большое расстояние сельских поселений, эпизодический характер контактов между жителями разных деревень (несмотря на наличие многочисленных родственных связей), а также несформированность общего экономического пространства. Последнее обусловлено и радикально сократившимися масштабами деятельности рыбколхозов, уменьшением численности рыбаков в их составе, и закрытием рыбоперерабатывающего завода в Пертоминске. Под влиянием сложившейся хозяйственно-бытовой автономии отдельных территорий в составе муниципалитета формируются и более плотные и стабильные сети отношений между жителями на локальном уровне. Ранее такое естественное территориальное и социальное обособление была закреплено и административно — до 2015 г. на территории МО «Пертоминское» существовало три отдельных сельских муниципалитета (наряду с Пертоминским — Летне-Золотицкое и Лопшеньгское).

Рыболовецкий профиль локальной экономики определяет то, что занятость в обследованных поселениях обеспечивается не только бюджетными учреждениями, что вообще характерно для изучаемых нами муниципалитетов, но и частными предприятиями в лице рыбколхозов и потребительских кооперативов. Хотя масштабы их деятельности не столь значительны, как в советское время, само их наличие содействует удержанию некоторого количества мужчин трудоспособного возраста.

Дополнительным фактором, влияющим на жизнедеятельность сельских сообществ Летнего берега, является включение прилегающих к ним лесного массива и акваторий в состав национального парка «Онежское поморье», управляемого ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский». Так, национальный парк выступает работодателем для определённого числа местных жителей (в частности, в деревнях Летняя Золотица и Лопшеньга). Основной же эффект от деятельности парка проявляется для местного населения, во-первых, в некоторых ограничениях на занятие традиционными промыслами (рыбная ловля вне колхозного участка, охота, лесозаготовки); во-вторых, в развёртывании работы с туристами, поселяющимися в том числе в гостевых домах на территории деревень и, таким образом, «внедряющимися» в повседневность локальных сообществ. Это обстоятельство, вне зависимости от субъективных установок и характера отношений местных жителей с Национальным парком и туристами, просто в силу физического присутствия «других» — горожан и внешней (государственной) инстанции — содействует укреплению локальной идентичности и групповой сплочённости старожильческого населения Летнего берега.

В завершение краткого обзора о сельских территориях МО «Пертоминское» скажем несколько слов о демографической ситуации. В целом следует отметить общую малочисленность обследованных деревень, не исключая и административный центр.

«Кто-то ведь приезжает сюда просто как на дачу летом. У нас, если посмотреть, прописанного населения, наверное, в районе 400 человек, а проживает здесь постоянно, может, человек 150. У остальных это просто прописка здесь» (Женщина, 39 лет, п. Пертоминск).

В остальных обследованных деревнях число жителей и домохозяйств либо сопоставимо, либо заметно меньше.

Интервьюер: А сколько здесь жителей, вот, постоянно проживает?

Информант: Ну, 60 человек постоянно. Так-то 180–200, вот, летом... Летом, конечно, много (Женщина, 55 лет, д. Яреньга).

2. Территория МО «Талажское» сравнительно обширна, но за пределами п. Талаги и прилегающих к нему садово-огородных товариществ, которые близко расположены к областному центру, плотность населения крайне низка. В границах этого муниципалитета объектом нашего интереса были сельские сообщества Зимнего берега, в частности «куст» деревень вокруг д. Патракеевки. Некоторые специфические характеристики Патракеевки и прилегающих к ней деревень роднят её с деревнями Летнего берега. Так, в советском прошлом

важнейшим для территорий Зимнего берега предприятием был рыболовецкий колхоз «Красное Знамя» — ныне действующий, но в масштабах на порядок меньших, чем прежде. Также как и в сельских поселениях МО «Пертоминское», важной составной частью повседневной жизни населения Патракеевки являются промыслы, включая рыбную ловлю (для собственного потребления), сбор дикоросов и т. п.

Транспортные проблемы в деревнях «патракеевского» куста, по высказываниям информантов, воспринимаются как заметно более острые по сравнению даже с деревнями Летнего берега — вероятно, в связи с доступностью для жителей последних авиатранспорта, услуги которого в последние годы субсидируются из областного бюджета. Основываясь на высказываниях жителей Патракеевки, можно заключить, что кроме зимника в соответствующий период времени им доступно только сообщение по морю (в период летней навигации). При этом дешёвый транспорт (баржа) ходит крайне редко, найм катера обходится чрезмерно дорого, свой водный транспорт есть далеко не у каждой семьи. Кроме того, остро стоит проблема обмеления и потребность в дноуглубительных работах.

Местные жители также отмечают, что присутствие Национального парка в деревнях Летнего берега (МО «Пертоминское»), с их точки зрения, играет позитивную роль в развитии этих территорий — привлечение дополнительных бюджетных средств, приток туристов как источника заработка для местных, создание новых рабочих мест. Отсутствие подобной организации на территориях Зимнего берега воспринимается как фактор «застойности».

Следствием перечисленных обстоятельств является отток молодёжи и трудоспособного населения с этих территорий, его неизбежное старение, что типично для прибрежных деревень всего Приморского района: *«Десять лет назад, вот, именно местных ещё было 350 человек. А на сегодняшний день... я специально сосчитала — сама, по домам. Думаю: сколько же у нас людей-то? 170 человек! Это очень мало. Половины — всё, нету. Кто-то умирает, кто-то уехал»* (Женщина, 65 лет, д. Патракеевка).

Тем не менее, близость друг к другу (в пределах пешей доступности) деревень в бассейне р. Мудьюга, достаточно большое количество домохозяйств на их территории, разветвлённая сеть родственных и соседских отношений, существование среди местных жителей «общественников»; деятельное участие в организации культурной жизни сообщества местной интеллигенции (от школьных педагогов и музейных работников до православных активистов) — всё это способствует и поддержанию солидарности внутри сообщества, и интенсивной коммуникации за пределами бытовой рутины, например, в связи с праздничными и концертными мероприятиями, просветительскими проектами. Кроме того, по инициативе архангельских общественников в этой части Зимнего берега организованы туристические маршруты и осуществляются религиозные паломничества. Таким образом, низовые инициативы городских НКО в функциональном отношении замещают деятельность по формированию туристического кластера, которую на территориях Летнего Берега осуществляет Национальный парк. Как отмечает глава МО «Талажское», все эти низовые общественные инициа-

тивы выгодно отличают «патракеевский» куст деревень от района Верхней и Нижней Золотиц: в сравнении с ними в Патракеевке не проявляются так явно атомизация сообщества и взаимное отчуждение.

3. Обследованные нами поселения МО «Островное» расположены на нескольких островах в дельте Северной Двины. На противоположном от них берегу реки располагается непосредственно город Архангельск. Близость областного центра обеспечивает условия для регулярного курсирования местного населения между островами и городом — почти круглогодично за исключением нескольких недель в периоды осенней и весенней «распуты» (локальное наименование распутицы), а между ближайшими островами и Архангельском транспортное сообщение возможно порой и в эти периоды. Такое географическое положение как снижает издержки по снабжению островных деревень (в сравнении с более отдалёнными территориями Приморского района), так и создаёт предпосылки для маятниковой трудовой миграции.

Близость к городской агломерации и вовлечённость многих трудоспособных жителей деревень МО «Островное» в маятниковую миграцию, с одной стороны, позволяет местному населению закрепиться в родных деревнях (проживать в них на постоянной основе) и одновременно обеспечить себя заработком в городе (рабочие места в островных деревнях закономерно в дефиците). С другой стороны, длительное пребывание за пределами родной деревни, повседневная коммуникация по преимуществу с городскими жителями (коллегами, клиентами и т. д.) размывает сети «слабых» связей (по М. Грановеттеру), сформировавшиеся в сельской среде. Это не только снижает вовлечённость деревенских жителей, работающих в городах, в рутинную жизнь локального сообщества, но и переориентирует их с воспроизводства слабых связей внутри этого сообщества на выстраивание аналогичной сети знакомств и поддержки в городской среде.

В случае успешного выстраивания такого рода сетей у деревенских жителей возникают мощные стимулы и одновременно с этим реальные возможности для переезда в город. Это особенно характерно для выпускников местных школ, которые в массе своей поступают в городские колледжи или университеты и, получая место в общежитии или снимая комнату в частной городской квартире, очень быстро приобретают идентичность, привычки и образ жизни городского жителя, интегрируясь в новую для себя среду. То же касается и молодых специалистов родом из островных деревень, которые в большинстве своем не хотят или не готовы реэмигрировать после получения профобразования в родные деревни. Тем более, что число предлагаемых им вакансий не слишком велико, не отличается разнообразием и не предполагает настолько высокую оплату, чтобы она компенсировала повышенные издержки проживания в сельской местности на островах.

Как следствие, мы обнаруживаем на территории МО «Островное» ту же тенденцию на постепенное «вымирание» деревень, что и в вышеописанных сельских муниципалитетах.

Интервьюер: А здесь, вот, если брать вообще все деревни: Пустошь, Выселки, Пески, Одиночка — сколько человек живет?

Информант: Как бы... 380 числится. Но живет-то тут такого коренного-то [населения] совсем мало, уже дачники тут в основном.

Интервьюер: А вот тех, кто здесь круглый год живет, их сколько?

Информант: Ну, вот, 300 с чем-то человек... их всё меньше и меньше становится. Раньше один дом если продают — ой! прямо целая куча народу этот дом хотят купить. Теперь целая куча домов — никто не хочет покупать. Вот, и я даже свой продаю, но никого нет [желающих купить]» (Женщина, 65 лет, д. Пустошь).

Таким образом, соседство с крупным городом с его развитой инфраструктурой, экономикой, рынком труда и сферой досуга «вытягивает» из островных сельских сообществ ту их часть, которая является наиболее мобильной и легко интегрирующейся в новую среду, а также имеющей дополнительные материально-бытовые потребности, — молодёжь и молодые семьи с детьми.

В таких условиях, несмотря на некоторую социальную эрозию локальных сообществ, параллельно происходит их гомогенизация по половозрастным и социально-профессиональным характеристикам. Взрослая их часть оказывается представлена двумя стратами: 1) пожилые пенсионеры, по преимуществу женщины (в силу значительной разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин), но также и «молодые» (до 65 лет) пенсионеры обоего пола; 2) специалисты трудоспособного возраста, занятые в бюджетных учреждениях (школы, детсады, дома культуры). «Ядро» сообщества, которое обеспечивает его коллективную активность за пределами домохозяйств, представлено «общественниками» из первой страты (зачастую — это пребывающие на пенсии бывшие работники тех же самых школ, местных ДК, музеев и библиотек) и действующими работниками местных учреждений культуры и образования. При этом малочисленность последних и периодическая «утечка» молодых кадров из этой среды, равно как и риски для здоровья, с которыми сталкиваются пенсионеры-активисты, подрывают ресурс человеческого капитала локальных сообществ островных деревень.

Обобщая информацию о численности, занятости, доходах населения, его демографическом профиле, отраслевой структуре и динамике локальных экономик, следует отметить общий депрессивный характер социально-экономического состояния обследованных территорий дельты Северной Двины, Летнего и Зимнего берегов Белого моря. Численность постоянно проживающего населения стабильно снижается, наблюдается его старение, предпосылки для роста доходов и занятости немногочисленной подрастающей молодёжи отсутствуют. Временный приток городских родственников местных жителей в период летней навигации, завершающийся до начала осенней распутицы, ненадолго оживляет сельские поселения и позволяет решать отдельные хозяйственно-бытовые задачи (ремонт жилых помещений, доставка бытовой техники, помощь в формировании продовольственных запасов

и дров на зимний период), тем не менее не стимулирует структурных изменений в локальных социоэкономических системах.

Экономика обследованных территорий в позднесоветский период времени базировалась на деятельности крупных аграрных предприятий — совхозов и рыболовецких колхозов. Свой вклад в функционирование локальных экономик вносили и немногочисленные предприятия, занимающиеся переработкой рыбы и сельхозсырья. При переходе к рыночной экономике с одновременным снижением государственных дотаций, удорожанием логистики и обрывом хозяйственных цепочек между агропредприятиями, закупочно-сбытовыми организациями и конечными потребителями, предприятия либо банкротились, либо сокращали масштабы деятельности. Всё это закономерно вело к сокращению рабочих мест, износу производственных фондов и оттоку квалифицированных кадров и сельской молодёжи. К моменту стабилизации российской экономики в середине 2000-х гг. эти процессы приобрели самоподдерживающийся характер. Запоздалый интерес к периферийным территориям в сочетании с централизаторской логикой развития северных и арктических районов Архангельской области (укрупнение, сосредоточение полномочий и ресурсов в наиболее многолюдных и близких к областной агломерации поселениях) фактически законсервировали обозначенные негативные тенденции.

В настоящее время основными работодателями на изучаемых территориях выступают отнюдь не пришедшие в состояние экономического упадка рыболовецкие колхозы, а различного рода бюджетные учреждения — школы и детсады, дома культуры, библиотеки, отделения почтовой связи, фельдшерско-акушерские пункты, административные учреждения (но только в административных центрах, таких как Пертоминск и Вознесенье). Однако негативная демографическая ситуация создаёт риски и для многих из этих учреждений, ориентированных в своей деятельности на молодые семьи с детьми, детей и подростков, число которых год от года снижается. Уменьшение общественной потребности в ряде бюджетных учреждений при необходимости обосновывать бюджетные расходы на них, а также достаточно распространённый в изученных поселениях кадровый «голод» ставят на повестку дня вопрос об их закрытии.

Вместе с тем, с точки зрения коллективной идентичности и социальной солидарности, большинство наших информантов позиционирует жителей своих деревень именно как сообщества, то есть как плотные сетевые структуры родства, соседства и экономического сотрудничества, в рамках которых их участники обеспечивают друг другу взаимную поддержку и посильную помощь в ряде типовых повседневных ситуаций (привезти корреспонденцию или какой-то небольшой груз из города, подвезти до соседнего населённого пункта, помочь пожилой женщине с доставкой дров и т. п.)

«У нас народ — все друг друга знают. И попроситься к кому-то на ночевку или довести до нужного места не составляет труда» (Женщина, 39 лет, п. Пертоминск).

«Не каждая семья ездит [в город за товарами, отсутствующими в сельских магазинах]. Узнают, что в город кто-то поедет — купи мне то, то и то. Да, почему бы и нет» (Женщина, 31 год, д. Лопшеньга).

«...потому что, ну, деревня, и все друг друга знают. Поэтому никто никому [в помощи, услуге] не отказывает. У нас так — дружно живем» (Женщина, 47 лет, д. Ластола).

«У нас этот костяк есть, и мы уже привыкли друг другу помогать. Сами собой собрались — сами собой сделали. Всё!» (Женщина, 96 лет, д. Ластола)

Такого рода суждения не явились для нас неожиданностью, поскольку подобная сплочённость и взаимовыручка в среде сельских жителей Европейского Севера России и европейской части Арктики фиксируется и в более ранних исследованиях [19, Подоплекин А.О., с. 216; 20, Позаненко А. А., с. 43–45].

Обратной стороной плотности внутренних коммуникаций местных сообществ и выраженной локальной идентичности их представителей выступает противопоставление себя городу и городским жителям, в особенности тем, кто прибывает на эти территории с потребительскими намерениями.

В основном приезжие с точки зрения местных делятся на две категории: давно уехавшие и проживающие в городе на постоянной основе земляки (родственники и друзья) и собственно «городские», воспринимаемые как конкретные представители собирательного образа «других», «чужаков». Если с первой категорией имеется взаимопонимание, на которое работают и родственный характер отношений, и опыт длительного общения в прошлом, то в отношении «городских» (это могут быть как жители Северодвинска, Архангельска, так и туристы из других регионов, из Москвы и т. п.) прослеживается амбивалентность. С одной стороны, в целом есть установка на терпимость по отношению к туристам, приехавшим отдохнуть на природе и порыбачить, к паломникам или визитёрам в национальный парк. Вместе с тем присутствие «других», их «неправильное поведение» и дистанцированность по отношению к местным жителям вызывает у последних негативную реакцию — раздражение и неприязнь.

«Интервьюер: Бывают тут компании городские?»

Информант: Бывает, особенно дачники, так они никого не спрашивают. Наши-то ведь крестьянские дети, они как бы к порядку приучены. Что можно, что нельзя... А городские даже никого не спрашивают. Песни поют, тут всё музыки какие-то, мотоциклы какие-то, машины... шашлыки. Вот это всё не нравится людям» (Женщина, 65 лет, д. Пустошь).

«Им [дачникам] ничего не надо. Они только свой дом — всё это, красоту наводят, благоустраивают. Они и на субботники-то не ходят» (Женщина, 65 лет, д. Конецдворье).

«У нас народ осторожный к чужим людям. Ну, останется где-нибудь человек — бросить-то не бросят, приютят и накормят, но сами не предлагают. Может быть, это ещё впереди, когда появится понимание, что на этом можно более активно зарабаты-

вать. Ещё как-то не очень проснулись. У всех есть работа, все как-то заняты; если бы люди были не заняты, если бы люди были стеснены средствами для существования — может быть, побыстрее это дело пошло... В дом-то свой точно не очень-то пустят. У нас очень осторожные люди» (Женщина, 55 лет, д. Лопшеньга).

«Конечно, тем, кого хорошо знаем — всегда поможем. Но к чужим плохо относятся [местные жители]. Чем севернее, тем, как бы это сказать, тяжелее народ» (Женщина, 40 лет, д. Патракеевка).

«Я, например, всегда, когда спрашивают, можно ли в Лопшеньге купить дом, я сразу спрашиваю, для каких целей. Одно дело переехать с семьёй отдохнуть, другое дело — устроить перевалочную базу для друзей-рыбаков, охотников. Если такая вещь проявляется, решительно отказываю и всячески этому противостою. Может, это какой-то частью и регресс, но вот мы так живём и не хотим ничего менять в этом отношении, нам нравится» (Мужчина, 55 лет, д. Лопшеньга).

Городские жители из числа «своих» рассматриваются нередко как ресурс для решения своих задач в городской среде: они служат источником полезной информации и контактов, являются теми, у кого можно остановиться во время поездок в город и тому подобное. В то же время со своей стороны сельские жители проявляют гостеприимство и деятельную заботу в отношении «своих» горожан во время их загородного отдыха, организуют для них условия для качественной рекреации, делятся с ними продукцией своего приусадебного хозяйства.

Жители отдалённых деревень побережья Белого моря, если они не относятся к числу «дачников», приезжающих из города в свой дом в летние месяцы, посещают «Большую землю» довольно редко — в основном в случае крайней необходимости. Цели, в связи с которыми местные жители делают визиты в город, можно свести к следующим:

- получение специализированных медицинских услуг (на обследованных территориях нет поликлиник, только ФАПы и аптечные пункты — и то не в каждой деревне);
- покупка товаров длительного пользования, которые не поставляются в местные магазины (бытовая техника, мебель и т. д.), либо мелкооптовая закупка товаров широкого потребления по более низким ценам;
- получение / обновление документов, нотариальная заверка договоров и другие юридические услуги;
- проведение культурного досуга.

Внутренняя жизнь арктических сельских сообществ распадается на два компонента: частный и публичный. Последний, будучи пространством коллективных активностей сельских жителей, обеспечивает воспроизводство локальной идентичности, повышает сплочённость сообщества, создаёт условия для артикуляции общих для него проблем и потребностей, решение / удовлетворение которых зачастую невозможно без активной кооперации между местными жителями.

К числу коллективных активностей, значимых для воспроизводства сельского сообщества, следует отнести, прежде всего, светские праздники — как общенациональные (День Победы, Новый год), так и местные (День рыбака, День деревни), приуроченные к ним торжественные мероприятия, а также активности на базе местных домов культуры (кружки / клубы по интересам, концерты с участием приезжих городских артистов, самодеятельность и т. д.). Такого рода активности, выполняющие функцию коллективных ритуалов, продуцирующих чувство принадлежности к сообществу, солидарность и локальную идентичность, как правило, являются частью системной культурной политики муниципальной (районной) администрации и подведомственных учреждений на местах.

«У нас есть ДК. Вчера вот дискотека была. Ну, не дискотека, а караоке, мы, вот, вчера ходили на караоке. Народ даже в возрасте приходит. Кому за 50, и за 60 вчера даже были. Вчера, наверное, человек 30 было. Детская дискотека по пятницам идёт. В основном всё там. Когда у нас День рыбака — рыбосолье, уху варим, кормим. Когда у нас 9 мая — мы солдатскую кашу обычно варим, тоже жители приходят попробовать» (Женщина, 39 лет, п. Пертоминск).

«... центром культурной жизни можно назвать и Дом культуры наш, и школу, потому что в основном все такие мероприятия происходят там. Традиционные какие-то праздники бывают. В клубе работают кружки, куда ходят не только дети, но и взрослые — что-то мастерят, к тем же концертам готовятся, какие-то мероприятия проходят разноплановые: и спортивные, и культурные. Как, впрочем, и в школе тоже такие мероприятия бывают. Если приезжают какие-то интересные люди — встречи с интересными людьми бывают» (Женщина, 55 лет, д. Лопшеньга).

«Например, у меня есть женский клуб «Рукодельница». И вот эти вот женщины, которые рукодельничают, например, они проводят для детей какие-нибудь клубные мероприятия. Например, что-то там по выкройкам — вырезать там, шить что-то. И при Доме культуры, вот, я организовала женщин, которые этим занимаются... Клубных формирований [всего] у нас здесь восемь» (Женщина, 32 года, д. Одиночка / д. Пустошь).

Имеют место и коллективные активности, нацеленные на решение каких-то конкретных задач по развитию сельской территории: ремонт причала или моста, помощь в реставрации церкви, сбор мусора на побережье, самоорганизация для развития культурной жизни в деревне⁵, благоустройство территорий, обустройство детских площадок и многое другое. Эти формы общественной деятельности реализуются, прежде всего, в рамках проектов местных ТОСов с привлечением активных местных жителей.

⁵ Например, участие обычных местных жителей в работе фольклорного ансамбля в д. Лопшеньга, организация бывшими культурными работниками при поддержке местного ДК Музея лоцманской славы в д. Пустошь, организация и участие в ежегодной ярмарке в д. Патракеевка.

«Все ТОСы у нас практически в одно время зарождались. У нас есть ТОС в Лопшеньге, есть в Яреньге, в Летней Золотице и в Пушлахте. В Уне⁶ еще есть ТОС... В Уне они очень интересно делают. У них уже третий год ТОС, они укрепляют мостовые переходы. Им привозят лес с Онеги, и они там своими силами мост разбирают и своими силами заново его делают» (Женщина, 39 лет, п. Пертоминск).

«Один [проект местного ТОСа] — создан музей в школе, сделаны витрины и оформление помещений; второй — парк был сделан, третий — хотели церковь, но не пошло» (Женщина, 45 лет, д. Патракеевка)

«Вот в прошлом году у нас, получается, были деньги выделены на творческую гостиную — мы туалет сюда провели. Это ТОСовский проект. Потом мы открыли творческую гостиную. То есть мы туристам показываем мастер-классы: делаем картины из шерсти и туристам предлагаем, и с туристами мы делаем валенки» (Женщина, 47 лет, д. Ластола).

Как видно из описанного выше, несмотря на целый комплекс социально-экономических сложностей, с которыми сталкиваются арктические сельские сообщества, у них также имеется и определённый потенциал жизнестойкости. Далее мы подробно рассмотрим основные проблемы, мешающие развитию обследованных нами сельских сообществ, и способы их решения / смягчения, к которым прибегают местные жители.

Воспроизводство арктических сельских сообществ: вызовы и «точки опоры»

Круг проблем, которые одновременно выступают и вызовами по отношению к потенциалу жизнестойкости локальных сообществ, и источником истощения ресурсов, во многом схож для поселений всех трёх муниципалитетов. В основной своей массе они связаны с последствиями постсоветской экономической трансформации, негативной демографической ситуацией, складывавшейся на протяжении последних десятилетий, и сложным с транспортно-логистической точки зрения местоположением обследованных поселений.

Если обобщить, то основные «болевые» моменты в жизни изучаемых нами сельских сообществ с позиций их представителей сводятся к нижеследующим.

1. Миграционный отток молодёжи и трудоспособного населения.

«Ну, мало молодёжи, мало... только-только школу закончили — раз, и уезжают, где-то учатся вот ребята, потом остаются... Не приезжают в деревню. А там работу находят» (Женщина, 61 год, д. Летняя Золотица).

«Насчёт возрождения [деревни] вообще речи не идёт. Кто-то хотел бы остаться в силу страха изменений. Многие нет, потому что не видят перспективы. Нет мест трудоустройства» (Женщина, 45 лет, д. Патракеевка).

2. Дефицит рабочих мест.

⁶ Деревня к югу от п. Пертоминск.

«... работать негде: градообразующие предприятия — только рыболовецкий колхоз, но там нет вакансий. На территории ещё есть животноводство — коровник и всё... Есть у нас три официальные тони — там по 3–4 человека есть. Но там мужики, которым по 50–55 лет. Молодёжи там нет — она вся заканчивает 9 классов, уезжает в Архангельск, учатся и обратно не возвращаются. Некуда, работать здесь негде абсолютно! Даже если какой-то молодой человек хотел бы — работы нет» (Женщина, 45 лет, д. Патракеевка).

Информант: А чего здесь делать? Делать нечего — работы-то нет.

Интервьюер: А старший сын у вас чем занимается?

Информант: Пьёт (Женщина, 55 лет, д. Яреньга).

Из высказываний информантов видно, что демографическая проблема — во многом следствие узости локальных рынков труда, их структурной «бедности» и в целом сильной зависимости от создания / ликвидации бюджетных рабочих мест в отсутствие сколь-нибудь значительного числа частных экономических агентов, которые могли бы выполнять функцию работодателей на местах.

3. Сложности транспортного сообщения между населёнными пунктами внутри муниципалитета и с «Большой землёй». Основные способы транспортного сообщения — наземные и водный (в случае с сельской периферией) Приморского района имеют ряд ограничений на использование. Водный транспорт может быть использован только в период летней навигации. При этом общественный водный транспорт обеспечивает регулярное сообщение только для деревень в устье Северной Двины (МО «Островное») — по причине близости к архангельской агломерации. Для деревень Летнего (МО «Пертоминское») и Зимнего (МО «Талажское») берегов расписание барж и теплоходов неудобно из-за редкости рейсов и большой продолжительности движения по ключевым маршрутам. Кроме того, местные жители отмечают, что в условиях нередких оттепелей, позднего ледостава и других подобных погодных обстоятельств сроки предоставления услуг общественного водного транспорта технически могли бы пролонгироваться, но схема организации транспортных услуг не предполагает такого рода «тонкой настройки». Наземный транспорт (автотранспорт, снегоходы) в условиях отсутствия дорог с твёрдым покрытием используется преимущественно в зимнее время года, когда устанавливается так называемый «зимник».

Интервьюер: А за реку отсюда можно только на лодке попасть, да?

Информант: Только на лодке. И вброд.

Интервьюер: Вброд. Мостов нету, да?

Информант: Нет. Раньше были когда-то баны. Это такие... [задумалась] Как они называются-то? Ну, в общем из трёх-четырёх брёвен плоты сделаны. И скрепляются там цепью или веревкой меж собой. Ну, с берега до берега, на остров. А с острова — на другой берег» (Женщина, 42 года, д. Летняя Золотица).

Интервьюер: Мне просто ещё интересно, как вот люди осуществляют сообщение с Большой землёй? Как выбираются [в город]?

Информант: Ну, летом — вот, по воде только. Ну, теплоход ходит четыре раза в день летом.

Интервьюер: Летом — четыре раза в день, да?

Информант: Да. Вот, сейчас уже расписание сменилось, стало темно в десять часов. Сейчас три раза ходит. Ну, потом будет два (Женщина, 65 лет, д. Концеворье).

Интервьюер: Бывало такое, что навигация закрывается официально, а потом из-за оттепели она открылась?

Информант: А всё уже — начальству это не надо. Было такое, вот, 16 октября был мороз, а потом до 7 ноября можно было еще ходить и ходить. Ну, у них и контракт заключён до 1 числа, а больше им не интересно (Мужчина, 55 лет, д. Патракеевка).

«Зимой сейчас вообще плохо. Раньше у нас мужчина ездил частник, но у него были установлены дни — три раза в неделю. А сейчас он на пенсии» (Женщина, 40 лет, д. Патракеевка).

«Дорога — это жизнь! Если есть дорога — значит, есть жизнь. Дороги не будет — тоже всё... Основная масса постарается, молодёжь, выехать. А старики просто будут домирать на месте. Я говорю, дорога нам очень нужна» (Женщина, 65 лет, д. Патракеевка).

Информант: По зимнику ездят «бураны». Дорогу торят там и так ездят. Как бы тут попрямей немножко, побыстрее.

Интервьюер: А если осенне-весенний период, когда лёд ещё не встал или уже вскрылся — на каком транспорте добираться до деревни?

Информант: Тогда уже никак.

Интервьюер: Не добраться никак [по земле]? Как тогда люди добираются вообще?..

Информант: Только самолётом (Женщина, 62 года, д. Яреньга).

В связи с последней цитатой ещё раз отметим уникальность ситуации с удалёнными деревнями МО «Пертоминское», между которыми, а также между ними, Пертоминском и Архангельском, существует регулярное авиасообщение, доступность которого обеспечивается дотациями из областного бюджета.

«... самолёт у нас летит Васьково — Пертоминск — Лопшеньга — Золотица. То есть он на три деревни, садится в трёх деревнях. А тут ещё ведь и Пушлахта есть, и Яреньга есть, то есть маленькие деревни, откуда едут к самолёту. Поэтому вот зависит от того. Да, зимние каникулы, например, если едут через Луду не добраться снегоходом, много билетов, много самолётов нужно. Когда-то они пустые летают, 1–2 человека» (Женщина, 53 года, д. Яреньга).

Вследствие непростой ситуации с транспортной доступностью возникают проблемы со снабжением населения продуктами питания.

Информант: Осенью вот проблемы с завозом [товаров] начинаются в магазины здесь.

Интервьюер: Есть всё-таки проблемы [со снабжением], да?

Информант: А как? Мы же живём-то ведь всё-таки далеко, оторваны от мира, от всего.

Интервьюер: А то вот некоторые люди говорят, что всего хватает.

Информант: А... ну, хватает. Как хватает? Смотря какие запросы у человека. Например, если постоянно нет, допустим, в магазине молочки, там, творога, вот этих продуктов, нет фруктов, нет овощей... почти всегда (Женщина, 56 лет, д. Летняя Золотица).

«Можно [завозить продукты] морским путём, но фрахты бешеных денег стоят, как выясняется. Я тоже наивно полагал, что цены остались на прежних уровнях. Раньше вполне можно было... Помимо продуктов есть ещё предметы, материалы другого спроса, причем очень востребованные: строительные материалы какие-то крупногабаритные, техника в том числе бытовая — и холодильник, и морозилка. Вы их попробуйте перевезти на самолете... А судно, да, дорого. И потом, у нас если прямо сюда — это рейдовая разгрузка. Это тоже кое-что. Это ладно, сейчас относительно тихо, но ветра здесь меняются молниеносно — море, океан поблизости к тому же» (Мужчина, 55 лет, д. Лопшеньга).

«Раньше работал колхоз — у них была своя баржа в Патракеевке. Она постоянно ходила, возила своих людей, грузы доставляли, для школы делали заготовку угля, продуктов, для коров корма. А сейчас всё прикрыто... Река мелеет, и не каждый теплоход или судно другого класса может зайти» (Мужчина, 55 лет, д. Патракеевка).

4. Высокие цены на продукты питания и промышленные товары по сравнению с городскими расценками. Это особенно чувствительно для сельского населения, доходы которого в среднем ниже, чем у горожан. Повышенные потребительские расходы сельского населения обусловлены, в первую очередь, вышеуказанными логистическими трудностями, которые сильно увеличивают транспортные издержки, закладываемые затем владельцами магазинов и кооперативами в конечные цены товаров.

«Стоимость [доставки товаров на барже], по-моему, более 150 тысяч за один рейс. Ну, соответственно, приходится им [предприятиям торговли] накручивать каким-то образом цены на продукты» (Мужчина, 35 лет, п. Пертоминск).

«Ну, вот, они, конечно, подороже продукты, чем в городе, скажем. Но ведь за каждой буханкой хлеба не поедешь в город» (Женщина, 60 лет, с. Вознесенье).

«Два магазина работают — здесь и в Горке. Цены, конечно, приличные. Завозят летом на барже, а зимой на машине» (Женщина, 45 лет, д. Патракеевка).

Идущие рука об руку «свёртывание» и упрощение локальных экономик, имеющие следствием и снижение доходов, и отток населения в поисках занятости за пределами род-

ной деревни, интерпретируются нашими информантами как внешние, не поддающиеся контролю со стороны самих сельских жителей процессы, запущенные демонтажем советского экономического уклада и переходом к рынку.

«Раньше же почему колхозы держались и рыбкопы, эти вот магазины? Потому что было всё в государственной [собственности], государственные вливания были. В колхоз были дотации, в рыбкоп были дотации. Дотации почему? Потому что [необходимо было] транспорт сюда нанять, далеко привезти груз. Дотировало государство, выдавало суда, они везли груз. Цен таких не было. Цены были постоянные, а не то, что каждый привоз продуктов цены меняются. Всё ушло в частные руки, а надо, чтобы всё было государственное» (Женщина, 53 года, д. Яреньга).

«Устроилась я в библиотеку, допустим, в 76-м году — работало буквально всё. Была швейная мастерская, обувь чинили. Часы ремонтировали, книжный магазин — там здание такое, КБО [комбинат бытового обслуживания], было. Так вот — всё в нём. Совхоз работал, школа, магазин, почта, библиотека, клуб. Детский сад отдельно. Теперь школа и сад стали вместе [в одном здании]. И гараж работал, мехмастерские были — ну, всё работало. В 90-е годы это всё постепенно стало уходить. Всё разрушилось, и остались у нас только библиотека, клуб, сельский совет. Ну, и почта». (Женщина, 65 лет, д. Пустошь).

«У нас колхоз богатый был, миллионер был. Ну, в советские времена-то... Всё ловили: и сёмгу, и горбушу, и селёдку, и навагу — всё... Возили в Архангельск... Сейчас не ловим, потому что не берут квоту-то. Вот на сёмгу берут, на горбушу... Сначала заплатишь деньги, а потом уже дают вам просто разрешение на вылов... сейчас-то мы не ловим... Сейчас вот сёмги поймают там тонны 2 с половиной, так тут они потихоньку с малым судном перевезут. А раньше всё зимой возили на тракторах да на машинах» (Мужчина, 55 лет, д. Яреньга).

Теоретически возможным ответом на эти вызовы могли бы стать различные формы самозанятости, сельского предпринимательства и фермерства. Однако, несмотря на попытки отдельных семей развивать свои крестьянско-фермерские хозяйства в 2000–2010-е гг., к настоящему времени они сошли на нет. В качестве ключевых причин указываются рискованный характер земледелия в северных широтах, нерентабельность из-за высоких логистических и административных издержек, узость рынков сбыта, дефицит резервов капитала из-за небольшого оборота, что делает фермерский бизнес уязвимым перед неурожаем, падежом скота, пожаром.

«Молоко некуда было реализовывать... Летом ещё можно было реализовывать — дачников много народу приезжает в деревню жить. А на зиму-то все уезжают, здесь почти никого нету. А молоко — ведь не скажешь, чтоб меньше доили. И то, что оставалось, надо было его перерабатывать в творог, там, масло делать. Очень муторно это всё... в город не перевозил. Какие-то документы нужны были. В распуту тоже не перевезёшь, когда у нас тут попажа такая плохая. Ну, и зимой можно было, там, что-то на снегоходе

туда возить — с этими сумками, с котомками, с бутылками, с банками. Если бы где-то приёмка какая-то была — приехал, сдал, уехал. А такого же не было. Это надо было бы свою точку, там, какую-то открывать... Точку открывать — надо продавца ставить, организовывать. Продавца ставить — значит надо ему платить, значит расходы, значит надо ещё больше поголовье коров увеличивать, чтобы как-то она покрывалась. И одно за одно, вот, это всё цепляется...» (Мужчина, 55 лет, д. Острова).

«Здесь рискованная зона. Здесь это невыгодно. Логистика не позволяет просто. И потом, в свете последних требований — ну, они не так уж и последние — ветсправки и прочее-прочее. Для каждого вида продукции при выходе на рынок — где, откуда? Люди тоже не дураки, сразу все просекли и поняли — хана» (Мужчина, 55 лет, д. Лопшеньга).

Низкая рентабельность как крестьянско-фермерских хозяйств, так и небольших колхозов в регионах российской Арктики подтверждается имеющимися экономическими оценками [16, Смирнова В.В., с. 137–139].

Реальной реакцией на экономические трансформации на селе стало расширение сезонной неформальной занятости, промыслов и «серой» торговли с дачниками и туристами.

«В этом году рыбалка [зимняя] была, у меня муж 2 тонны сдал рыбы... Летом у нас в основном продажа рыбы идёт тем, кто приезжает сюда на отдых. В том году горбушу продавали в основном тем, кто приезжал. Люди приезжают, отдыхают. Потом, когда уезжают, соответственно, надо что-то с собой забрать — закупают и увозят» (Женщина, 39 лет, п. Пертоминск)

Параллельно с этим сохраняется широкая практика ведения приусадебного хозяйства, которая ещё в 1990-е годы показала свою эффективность как независимый источник сравнительно дешёвых продуктов питания.

«Вот кто здесь живёт — у всех есть огороды. У всех картошка, помидоры, огурцы, укроп, редиска. Что ещё? Капуста, клубника, там, малины завались... Капусту так почти каждый сажит. Свёкла, морковка, лук. Я два сорта сажу... У нас, конечно, ещё некоторые торгуют, у кого много» (Женщина, 65 лет, д. Пустошь).

Огородничество в связке с рыбной ловлей (в деревнях на побережье) существенно смягчает для населения как проблему чрезмерно высоких розничных цен в частных и кооперативных магазинах, так и отчасти купирует риски, связанные с перебоями в централизованном снабжении в периоды распуты.

Таким образом, одной из ключевых «точек опоры» для арктических сельских сообществ выступают натуральное хозяйство и сельские промыслы [21, Павлов А.Б., Селеев С.С.] с выстраиванием экономических связей между промысловиками и городскими потребителями.

Неудовлетворительное состояние общественного транспорта, обеспечивающего сообщение между сельскими территориями и районным центром / городской агломерацией подталкивает сельское население к альтернативным механизмам обеспечения себе доступа

к «Большой земле». Нами были зафиксированы в общем виде два таких механизма, ставших результатом адаптации местных жителей к обозначенной выше проблеме. Первый заключается в обеспечении себя личным транспортом — маломерные суда, снегоходы, внедорожники. Второй — для людей, которые не могут позволить себе личный транспорт, — связан с частными коммерческими услугами по перевозке пассажиров и грузов.

«Как дорога появляется, я иногда сама, иногда сыну закажу. Появилась машина — ты нам везёшь муку, песок и масло растительное. И мы покупаем, что не хватает от декабря до декабря, а остальное в магазине покупаю» (Женщина, 40 лет, д. Патракеевка).

«Кто помоложе, кто пошустрее — уже давно завели свои катера. Потому что 2 часа на теплоходе, а на катере — 8 минут до Цигломени⁷. Вот, у нас у самих есть 2 машины. Машина здесь на территории, УАЗик. У нас есть катер, на котором мы за 8 минут до Цигломени доехали. Там на стоянке у нас стоит 2-я машина. То есть, кто пошустрее, то, вот, у всех вот так вот» (Женщина 47 лет, д. Ластола).

Интервьюер: А те, у кого, допустим, нет снегохода [как завозят для себя товары из города]?

Информант: Нанимают тех же местных, у кого он есть.

Интервьюер: То есть, за плату просят привезти?

Информант: Да. И снегоход, и машину. То есть бабушка, которая живет одна и родственники у неё, допустим, в городе, она нанимает здесь местных (Женщина, 31 год, д. Лопшеньга).

Следует подчеркнуть, что внутри сельского сообщества оказание каких-либо услуг не является тотально рыночным. Ранее нами отмечалось, что среди жителей обследованных нами территорий обычными являются установки на взаимовыручку и безвозмездную помощь «своим». Подвезти попутчика до соседней деревни, помочь с ремонтом дома или бани, предоставить соседям доступ к своему колодцу, угостить односельчан пойманной рыбой, доставить до города (или привезти из него) небольшую посылку — всё это примеры практик поддержки друг друга членами сельских сообществ. Широкая распространённость таких практик обусловлена отчасти плотностью родственных связей между жителями одной и той же деревни (или нескольких соседних деревень), отчасти — сравнительно высоким уровнем доверия между соседями и в целом внутри локального сообщества. Свой вклад вносят и прагматические соображения, концентрированно выраженные в тезисе «сегодня я помог тебе, а завтра — ты мне». Таким образом, мы фиксируем, что сельское сообщество пронизано сетью взаимной поддержки, в которую «вплетены» практически все его члены. Следствие этого — высокий уровень «соединяющего» (bridging)⁸ социального капитала, делающий бо-

⁷ Микрорайон одного из административных округов г. Архангельска.

⁸ В данном контексте — вид социального капитала, обеспечивающий устойчивые социальные связи и коммуникацию между представителями разных страт внутри территориального сообщества.

лее легкими процессы кооперации и координации за пределами домохозяйств и семейно-родственных групп [22, Putnam R., с. 20].

Ещё одной опорой для сельских сообществ является низовой активизм и его овеществлённые результаты. Под низовым активизмом мы понимаем широкий диапазон видов деятельности местных жителей, не связанный напрямую с их трудовыми обязанностями и ведением домашнего хозяйства, осуществляемых на добровольных началах и имеющих общественное и / или культурное значение для деревни в целом. Выше мы уже сжато описали конкретные формы такого активизма. Здесь же укажем их основные социальные функции: 1) обеспечение занятости общественно значимой деятельностью неработающих жителей деревни, в том числе вышедших на пенсию специалистов в культурно-просветительской сфере; 2) демонстрация возможности решать некоторые важные прикладные задачи по повышению качества жизни за счёт собственных ресурсов сообщества; 3) воспроизводство локальной идентичности, укрепление чувства принадлежности месту; 4) повышение солидарности внутри местного сообщества; 5) развитие культуры взаимной поддержки и кооперации; 6) демонстрация агентам политической власти потенциала развития территории за счёт событийного и экотуризма, стимулирование с их стороны символической и финансовой поддержки местного сообщества.

Наконец, источником жизнестойкости арктических сельских сообществ, который можно обнаружить в высказываниях некоторых наших информантов, выступает возвращение в родительские дома только что вышедших на пенсию коренных жителей, ранее долгие годы живших и работавших в городе. Оставляя без внимания вопрос о причинах решения вернуться в родную деревню, отметим, что в условиях продолжающегося оттока из села молодёжи и лиц среднего возраста, возвращение в них условно «молодых» пенсионеров частично компенсирует миграционную убыль сельского населения.

«В общем, деревни будут существовать за счёт пенсионеров. В городе местные эти, внуки, дети — вышли на пенсию, уедут сюда, отремонтируют дом, допустим, и будут... не круглогодично, а приезжать, вот, летом приедут — и всё. А больше тут делать нечего» (Мужчина, 82 года, д. Летняя Золотица).

«Купить квартиру не каждый может своим детям, поэтому молодые пенсионеры, которые на пенсию вышли — ещё есть силы и здоровье — они едут, возвращаются в свои родительские дома. При этом перед пенсией они стараются их утеплить, благоустроить, поднять, провести канализацию, водопровод и уже спокойно жить» (Мужчина, 50 лет, с. Вознесенье).

Хотя при этом и закрепляется тенденция к старению сельского населения, сами деревни благодаря такому перетоку оказываются защищены от «естественного вымирания», а местные сообщества сохраняют свою целостность, поскольку возвращающиеся на малую родину люди не являются друг для друга чужими, имеют в прошлом опыт соседского общения и к тому же нередко связаны отношениями родства или свойства. Этим описанный про-

цесс отличается от превращения деревни в дачный посёлок путём замещения укорененного населения пришлым городским, выкупающим земельные участки со старыми домами и возводящим на их месте новые коттеджи [23, Stammer F., Sidorova L., с. 579–584].

Заключение

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют говорить о нескольких факторах, обеспечивающих социальную жизнестойкость арктических сельских сообществ. Во-первых, это способность местных жителей переориентироваться на натуральное хозяйство и традиционные для рассматриваемых территорий промыслы в условиях деградации тех секторов локальной экономики, которые предполагают постоянную формальную трудовую занятость, нерентабельности крестьянско-фермерских хозяйств, ориентированных на внешние рынки сбыта и периодически возникающих проблем с централизованным снабжением. Эта способность проистекает из опыта традиционного образа жизни, которым обладает большинство населения изученных нами деревень. Сохранение такого опыта оказывается возможным благодаря тому, что в поморских семьях вплоть до последних десятилетий относительно успешно осуществлялась межпоколенная передача традиционных навыков и знаний.

Во-вторых, достаточно высокие уровни социального доверия, солидарности и готовности к кооперации внутри сообществ, что обуславливает нормализацию практик взаимовыручки и односторонней поддержки, оказываемой социально уязвимым жителям деревни. В целом изученные сообщества характеризуются высоким показателем социального капитала. Хотя уточнение значений этого параметра для каждого из сообществ требует дополнительных количественных исследований, имеющиеся качественные данные однозначно свидетельствуют о прочности социальных связей между не только родственниками, но и соседями, что контрастирует с положением дел в областном центре [24, Максимов А.М. и др., с. 70–71]. Кроме того, у большинства сельских жителей имеются устойчивые связи с городскими родственниками, которые являются источником и чисто материальной поддержки (например, при поездках сельчан в город), и помогают в преодолении коммуникативной изоляции, замыкании в границах сельской периферии.

В-третьих, значимым фактором жизнестойкости в обследованных деревнях и сёлах оказывается вовлечение части местного населения в практики низового активизма, нередко поощряемого со стороны сельской, районной и даже региональной администраций. Эффекты такого активизма имеют два измерения: материальное — общественные и культурные инициативы местных жителей позволяют привлекать грантовые средства на развитие территорий, увеличивают доходы от туризма и т. д.; социально-психологическое — вовлечение в эти инициативы заметной доли населения деревни, его участие в организуемых активистами публичных мероприятиях, коллективных празднествах или общественно полезной деятель-

ности (субботники, строительство часовни, помощь в ремонте причала и т. п.) поддерживает коллективную идентичность членов сельского сообщества и повышает его сплочённость.

В-четвёртых, воспроизводство и стабилизация арктических сельских сообществ до некоторой степени обеспечивается возвращением вышедших на пенсию местных уроженцев, ранее мигрировавших из сельской местности в город. Возвращение этих людей на малую родину позволяет компенсировать устойчивый отток молодёжи и трудоспособного населения. Вместе с тем, деревенские по происхождению, социализировавшиеся в сельской среде и не утратившие связь со своими корнями, они в гораздо меньшей степени являются трансляторами усвоенных ими во взрослом возрасте городской культуры и городских бытовых привычек по сравнению с горожанами, приезжающими в деревню для дачного отдыха в летний сезон. Благодаря этому в изученных нами сельских поселениях, несмотря на зримые приметы технического прогресса, сохраняются многие особенности традиционного для них уклада жизни. Таким образом, арктические сельские сообщества воспроизводятся не только физически, но и в социокультурном аспекте.

Список источников

1. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / Под науч. ред. А.М. Никулина. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 2019. 408 с.
2. Виноградский В.Г. Сельские миры: опыт социологической реконструкции // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004948-5>
3. Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. 368 с.
4. Foster K.A. A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience // Working paper 2007–2008. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley. 2007. Vol. 8. 42 p.
5. Bruneau M., Chang S.E., Eguchi R.T., Lee G.C., O'Rourke T.D., Reinhorn A.M., Shinozuka M., Tierney K., Wallace W.A., von Winterfeldt D. A Framework to Quantitatively Assess and Enhance the Seismic Resilience of Communities // Earthquake Spectra. 2003. No. 19 (4). DOI: <https://doi.org/10.1193/1.1623497>
6. Simmie J., Martin R.L. The Economic Resilience of Regions: Towards an Evolutionary Approach // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2009. Vol. 3 (1). Pp. 27–43. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029>
7. Климанов В.В., Михайлова А.А., Казакова С.М. Региональная резилиентность: теоретические основы постановки вопроса // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-6-164-187>
8. Ненашева М.В. Жизнестойкость арктических сообществ: концепция, методология и направления исследований // Арктика и Север. 2023. № 51. С. 262–273. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.262>
9. Norris F.N., Stevens S.P., Pfefferbaum B., Wyche K.F., Pfefferbaum R.L. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness // American Journal of Community Psychology. 2008. No. 41 (1–2). Pp. 127–150. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6>
10. Berman M., Kofinas G., BurnSilver Sh. Measuring Community Adaptive and Transformative Capacity in the Arctic Context / Northern Sustainabilities: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World / Gail Fondahl and Gary N. Wilson, eds. Switzerland, Cham Inc.: Springer International Publishing. 2017. Pp. 59–75. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-46150-2_6

11. Замятина Н.Ю., Медведков А.А., Поляченко А.Е., Шамало И.А. Жизнестойкость арктических городов: анализ подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2020. № 65 (3). С. 481–505. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.305>
12. Никитин Б.В. Оценка потенциала жизнестойкости городов российской Арктики: фактор экономической специализации // Арктика: экология и экономика. 2023. Т. 13. № 1. С. 106–118. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2023-1-106-118>
13. Пилясов А.Н., Молодцова В.А. Жизнестойкость арктических городов России: методологические подходы и количественные оценки // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2021. № 2 (48). С. 5–26. DOI: <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2021-2-5-26>
14. Иванов В.А. Северная и арктическая специфика решения проблемы продовольственной безопасности // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. Т. 25. № 1 (75). С. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.005>
15. Никулина Ю.Н. Государственная поддержка сельского хозяйства в регионах Арктической зоны России: текущее состояние, соответствие целевым показателям, направления совершенствования // Арктика: экология и экономика. 2022. Т. 12. № 3. С. 416–429. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-3-416-429>
16. Смирнова В.В. Влияние государственной поддержки на развитие сельского хозяйства и сельских территорий европейского Севера России // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11. № 1. С. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-1-135-145>
17. Flood K., Mahon M., McDonagh J. Everyday resilience: Rural communities as agents of change in peatland social-ecological systems // Journal of Rural Studies. 2022. Vol. 96. Pp. 316–331. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.11.008>
18. McAreavey R. Finding rural community resilience: Understanding the role of anchor institutions // Journal of Rural Studies. 2022. No. 96 (3). Pp. 227–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.10.014>
19. Подоплекин А.О. Сельские жители прибрежных территорий Архангельской области: «доживающее население» или ресурс развития Российской Арктики? // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2016. № 2 (83). С. 213–222.
20. Позаненко А.А. «Отдельная типа республика»: структурные особенности пространственно изолированных локальных сельских сообществ // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 4. С. 31–55. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55>
21. Павлов А.Б., Селеев С.С. Феноменологическое описание современной промысловой деятельности // Universum: общественные науки. 2015. № 3 (13).
22. Putnam R.D. Bowling alone: The Collapse and Revival of American Community. New York, Simon & Schuster, 2000. 541 p.
23. Stammler F., Sidorova L. Dachas on permafrost: the creation of nature among Arctic Russian city-dwellers // Polar Record. 2015. No. 51 (6). Pp. 576–589. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247414000710>
24. Максимов А.М., Малинина К.О., Блынская Т.А. Взаимосвязь социального капитала, доверия в обществе и предпринимательской активности населения арктического региона (на материалах Архангельской области) // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 66–81. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.66>

References

1. Shanin T. *The Awkward Class. Political Sociology of Peasantry in a Developing Society: Russia 1910-1925*. Moscow, "Delo" RANKhiGS Publ., 2019, 408 p. (In Russ.)
2. Vinogradsky V.G. Rural Universes: A Sociological Reconstruction. *Sociological Studies*, 2019, no. 5, pp. 3–13. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250004948-5>
3. Toshchenko Zh.T. *Meaning of Rural Life (Experience of Sociological Analysis)*. Moscow, Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga Publ., 2016, 368 p. (In Russ.)
4. Foster K.A. *A Case Study Approach to Understanding Regional Resilience*. Institute of Urban and Regional Development, University of California, Berkeley, 2007, vol. 8, 42 p.

5. Bruneau M., Chang S.E., Eguchi R.T., Lee G.C., O'Rourke T.D., Reinhorn A.M., Shinozuka M., Tierney K., Wallace W.A., von Winterfeldt D. A Framework to Quantitatively Assess and Enhance the Seismic Resilience of Communities. *Earthquake Spectra*, 2003, no. 19 (4). DOI: <https://doi.org/10.1193/1.1623497>
6. Simmie J., Martin R.L. The Economic Resilience of Regions: Towards an Evolutionary Approach. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 2009, vol. 3 (1), pp. 27–43. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjres/rsp029>
7. Klimanov V.V., Mikhaylova A.A., Kazakova S.M. Regional Resilience: Theoretical Basics of the Question. *Economic Policy*, 2018, vol. 13, no. 6, pp. 164–187. DOI: <https://doi.org/10.18288/1994-5124-2018-6-164-187>
8. Nenasheva M.V. Resilience of Arctic Communities: Concept, Methodology and Research Directions. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2023, no. 51, pp. 262–273. DOI: [10.37482/issn2221-2698.2023.51.262](https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.51.262)
9. Norris F.N., Stevens S.P., Pfefferbaum B., Wyche K.F., Pfefferbaum R.L. Community Resilience as a Metaphor, Theory, Set of Capacities, and Strategy for Disaster Readiness. *American Journal of Community Psychology*, 2008, no. 41 (1–2), pp. 127–150. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10464-007-9156-6>
10. Berman M., Kofinas G., BurnSilver Sh. Measuring Community Adaptive and Transformative Capacity in the Arctic Context. In: *Northern Sustainabilities: Understanding and Addressing Change in the Circumpolar World*. Switzerland, Cham Inc., Springer International Publishing, 2017, pp. 59–75. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-46150-2_6
11. Zamyatina N.Yu., Medvedkov A.A., Polyachenko A.E., Shamalo I.A. Resilience of Arctic Cities: An Analysis of the Approaches. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 2020, no. 65 (3), pp. 481–505. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2020.305>
12. Nikitin B.V. Assessing the Resilience Potential of the Russian Arctic Cities: The Factor of Economic Specialization. *Arctic: Ecology and Economy*, 2023, vol. 13, no. 1, pp. 106–118. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2023-1-106-118>
13. Pilyasov A.N., Molodtsova V.A. Resilience of Russian Arctic Cities: Methodological Approaches and Quantitative Assessments. *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences*, 2021, no. 2 (48), pp. 5–26. DOI: <https://doi.org/10.19110/1994-5655-2021-2-5-26>
14. Ivanov V.A. The Northern and Arctic Specifics of Solving the Problem of Food Security. *The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2022, vol. 25, no. 1 (75), pp. 58–71. DOI: <https://doi.org/10.37614/2220-802X.1.2022.75.005>
15. Nikulina Yu.N. State Support for Agriculture in the Russian Arctic Regions: Current State, Compliance with Targets, Directions for Improvement. *Arctic: Ecology and Economy*, 2022, vol. 12, no. 3, pp. 416–429. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2022-3-416-429>
16. Smirnova V.V. Impact of State Support on the Development of Agriculture and Rural Areas in the European North of Russia. *Arctic: Ecology and Economy*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 135–145. DOI: <https://doi.org/10.25283/2223-4594-2021-1-135-145>
17. Flood K., Mahon M., McDonagh J. Everyday Resilience: Rural Communities as Agents of Change in Peatland Social-Ecological Systems. *Journal of Rural Studies*, 2022, vol. 96, pp. 316–331. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.11.008>
18. McAreavey R. Finding Rural Community Resilience: Understanding the Role of Anchor Institutions. *Journal of Rural Studies*, 2022, no. 96 (3), pp. 227–236. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2022.10.014>
19. Podoplyokin A.O. Rural Residents of the Coastal Territories of the Arkhangelsk Region: A “Living Population” or a Resource for the Development of the Russian Arctic? *Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation*, 2016, no. 2 (83), pp. 213–222.
20. Pozanenko A.A. “A Kinda Separate Little Republic”: Structural Specifics of Spatially Isolated Local Rural Communities. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2018, vol. 27, no. 4, pp. 31–55. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-4-31-55>
21. Pavlov A.B., Seleev S.S. Phenomenological Description of the Modern Handicraft Activities. *Univer-sum: obshchestvennye nauki* [Universum: Social Sciences], 2015, no. 3 (13).

22. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York, Simon & Schuster, 2000, 541 p.
23. Stammler F., Sidorova L. Dachas on Permafrost: The Creation of Nature among Arctic Russian City-Dwellers. *Polar Record*, 2015, no. 51 (6), pp. 576–589. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0032247414000710>
24. Maksimov A.M., Malinina K.O., Blynskaya T.A. The Correlation of Social Capital, Social Trust and Population' Entrepreneurial Activity in the Arctic Region (A Case Study of the Arkhangelsk Oblast). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2020, no. 40, pp. 66–81. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2020.40.66>

*Статья поступила в редакцию 18.10.2023; одобрена после рецензирования 21.10.2023;
принята к публикации 23.10.2023*

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов